

Оригинальная статья / Original article

УДК 902/904

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-93-120>

ЖЕНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ XIII–XIV ВВ. МОГИЛЬНИКА НОГООН ГОЗГОР 1 В СЕВЕРНОМ ПРИХУБСУГУЛЬЕ

© А.В. Харинский^а, Д. Эрдэнэбаатар^б, М.А. Портнягин^а, С. Оргилбаяр^б, Д.Е. Кичигин^а

^а Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

^б Улан-Баторский государственный университет,
Монголия, Улан-Батор, Баянзурх район, 5-й хороо.

Аннотация. В июле 2017 г. усилиями совместной археологической экспедиции Иркутского национального исследовательского технического университета и Улан-Баторского государственного университета проводились раскопки на могильнике Ногоон Гозгор 1 в Северном Прихубсугулье. Изначально работы планировалось вести на двух погребальных комплексах № 5 и 6. К началу раскопочных работ выяснилось, что погребение № 6 ограблено современными грабителями: в центре надмогильной конструкции заложен грабительский шурф глубиной до 1,2 м. В отвалах выброшенного грунта обнаружены кости человека, барана и остатки шелковой ткани, на отдельных фрагментах которой отмечены изображения пионов и попугаев, стилизованный облачный и волнообразный орнаменты. На месте могилы №5 разбит раскоп площадью 32 м². Под овальной кладкой размерами 5×3 м на глубине 75–80 см от современной поверхности земли обнаружены останки погребенной женщины, в могиле также найдены остатки бокки – берестяной каркас головного убора. В Северном Прихубсугулье такая находка встречена впервые. В результате исследований установлено, что могильник Ногоон Гозгор 1 датируется XIII–XIV вв., оставлен коренным населением района, которое, несомненно, было включено в глобальные культурно-исторические процессы, протекавшие в Евразии в эпоху Монгольской империи.

Ключевые слова: Монголия, Северное Прихубсугулье, XIII–XIV вв., могильник Ногоон Гозгор 1, погребение, бокка, шелк, изображение пиона, изображение попугая.

Информация о статье. Дата поступления 6 апреля 2018 г.; дата принятия к печати 5 мая 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2018 г.

Формат цитирования. Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д., Портнягин М.А., Оргилбаяр С., Кичигин Д.Е. Женские погребения XIII–XIV вв. могильника Ногоон Гозгор 1 в Северном Прихубсугулье // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 93–120. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-93-120

WOMEN'S BURIALS IN XIII–XIV CENTURIES. THE CEMETERY NOGOON GOZGOR 1 IN THE NORTHERN HUBSUGUL AREA

© A.V. Kharinskii^а, D. Erdenebaatar^б, M.A. Portniagin^а, S. Orgilbayar^б, D.E. Kichigin^а

^а Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation

^б Ulaanbaatar State University,
5th horoo, Bayanzurkh District, Ulaanbaatar, Mongolia

Abstract. In July 2017, the archaeological expedition of the Irkutsk National Research Technical University and the Ulaanbaatar State University conducted the excavations at the cemetery Nogoos Gozgor 1 in the northern Hubsugul area. Initially, the work was planned to be conducted at two funeral complexes No. 5 and 6. By the beginning of the excavation work, it was revealed that burial No. 6 had been plundered by modern robbers: in the center of the above-grave construction a predatory pier with a depth of up to 1.2 m was laid. In the dumps of the ejected soil, bones of a human, a sheep and remains of silk fabrics were found, on separate fragments of which there are images of peonies and parrots, a stylized cloudy and undulating ornamenta-

tion. On the location of the grave No. 5, an excavation area of 32 m² is made. Under the oval masonry of 5 × 3 m in size at a depth of 75–80 cm from the modern surface of the earth, the remains of the buried woman are found, in the grave there are also remains of bokky – the birch bark frame of the headdress. Such a find in Northern Hubsugul Area was first met. As a result of the research it was established that the cemetery Nogoон Gozgor 1 dates back to the 13th–14th centuries, was left by the indigenous population of the region, which undoubtedly was included in the global cultural and historical processes taking place in Eurasia in the era of the Mongolian Empire.

Keywords: Mongolia, Northern Hubsugul Area, XIII–XIV centuries, cemetery Nogoон Gozgor 1, burial, bokka, silk, image of a peony, image of a parrot

Article info. Received April 6, 2018; accepted for publication May 5, 2018; available online June 30, 2018.

For citation. Kharinskii A.V., Erdenebaatar D., Portniagin M.A., Orgilbayar S., Kichigin D.E. Women's burials in XIII–XIV centuries. The necropolis Nogoон Gozgor 1 in the Northern Hubsugul Area. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14. No. 2. Pp. 93–120. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-93-120. (In Russian).

Введение

Могильник Ногоон Гозгор 1 располагается на северо-восточном побережье озера Хубсугул (Хубсугульский аймак, Ханх самон), в 7,2 км к северу от поселка Ханх, на северо-восточном склоне горы Ногоон Гозгор (Зеленая вершина), в 1,4 км к северо-востоку от моста через реку Хавцал (рис. 1). На северном склоне горы преобладают моховые и мохово-лишайниковые лиственничные леса, что характерно для Северного Прихубсугулья в целом (Выркин, Белозерцева, Энхтайван, 2013. С.49). В напочвенном покрове доминируют мхи и лишайники, участие злаков и осок незначительно. Подлесок представлен несколькими видами ив, рододендром даурским, жимолостью алтайской и красной смородиной. Южный и восточный склон горы покрыты степными ассоциациями растений, характерными для горно-степного ландшафта. Их флористический состав беден. Разнотравья относительно мало, для него типичны полынь, лук, прострел (Выркин, Белозерцева, Энхтайван, 2013.С. 53).

Некрополь состоит из двух групп каменных кладок, располагающихся на двух небольших относительно пологих площадках (рис. 2). Верхняя из площадок находится на высоте 1805–1806 м над уровнем моря, а нижняя на высоте 1789–1794 м. На верхней площадке локализуются три надмогильные каменные кладки, на нижней площадке – четыре кладки. Кладки могильника вытянуты цепочкой, ориентированной по линии юго-запад – запад и северо-восток – восток, длина которой составляет 90 м. Кладки № 1–2 находятся в лесу, который занимает северо-западную часть территории

площадок. Кладки № 3–7 локализуются у края леса на открытой местности.

Могильник открыт в 1999 г. А.В. Харинским (Харинский, Наумов, 2000). В 2006 г. он был вновь осммотрен. Проведено его описание и фотофиксация погребальных конструкций (Харинский, Ожередов, 2006). В 2008 г. на некрополе вскрыта могила № 4, под которой обнаружены останки погребенного. Умерший располагался вытянуто на спине и был ориентирован головой на север. Вместе с погребенным в могильной яме найдены остатки седла со стременами, колчан со стрелами и нож. В 2009 г. вскрыта могила № 3. Четырехугольная каменная кладка погребения разрушена в древности. Захоронение ограблено. Часть человеческих костей выброшена наружу. Судя по пропорциям могильной ямы, погребенный располагался вытянуто, головой на север. В яме найдено несколько человеческих костей и железная пряжка.

Итоги исследований на могильнике Ногоон Гозгор 1 были подведены в статье, опубликованной в 2011 г. (Харинский, Эрдэнэбаатор, 2011). Захоронения некрополя по ряду показателей отличаются от монгольских погребений. Их надмогильная кладка имеет четырехугольную форму, а не круглую или овальную, как у монгольских захоронений. В погребениях отсутствуют деревянные внутримогильные конструкции, характерные для монгольских захоронений. Сосуд, найденный под кладкой погребения №4, не имеет аналогов среди монгольской керамики. Набор остального инвентаря – стремяна, нож, кресало, наконечники стрел, пряжка – имеет широкие аналогии среди материалов начала II тыс., найденных в Южной Сибири и

Рис. 1. Карта расположения могильника Ногоон Гозгор 1
Fig. 1. Map of the location of cemetery Nогоон Gozgor 1

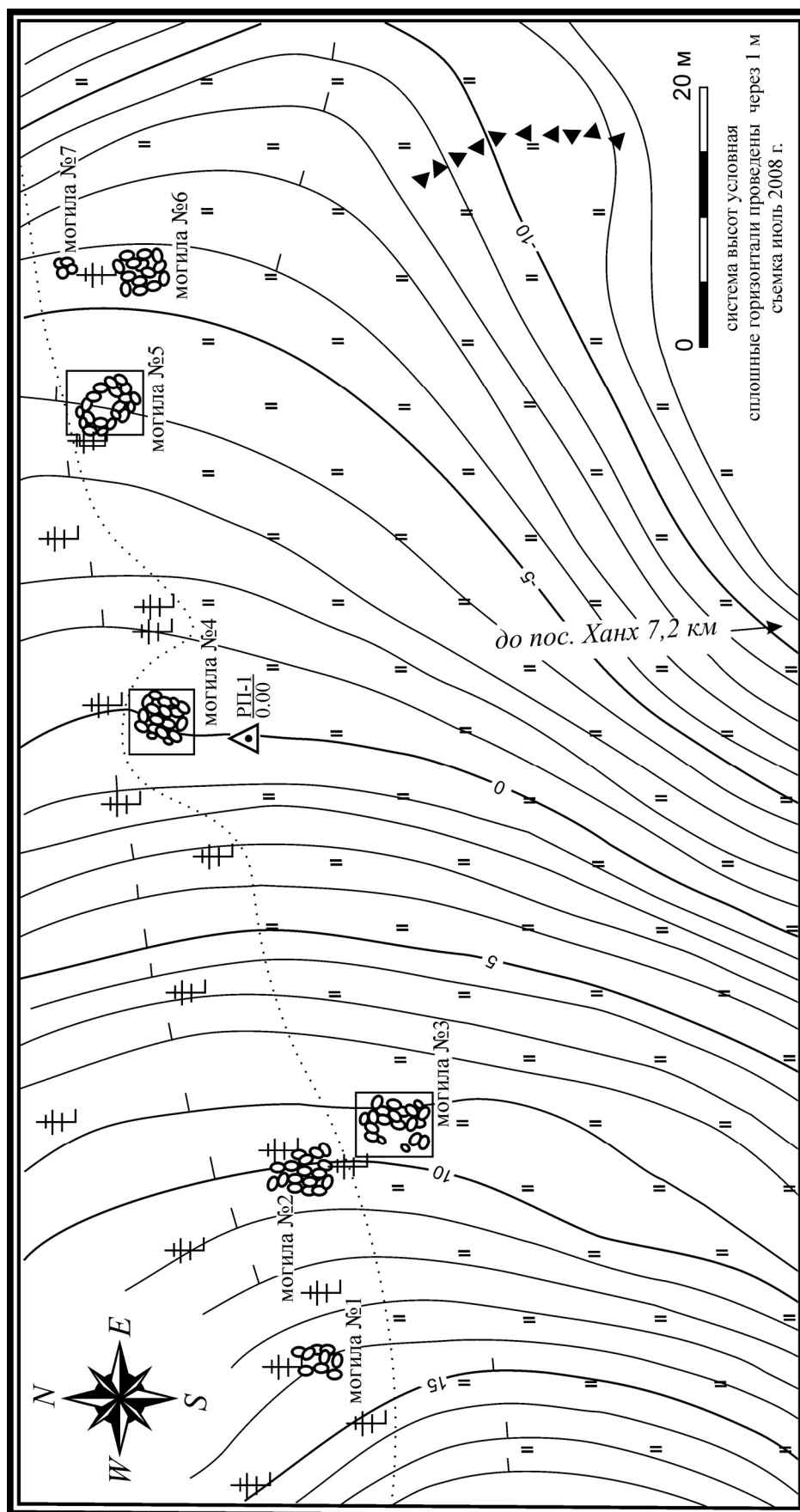

Рис. 2. Ногоон Гозгор 1, план могильника
Fig. 2. Cemetery Nogoyn Gzgor 1, plan of cemetery

Центральной Азии, и не отличается от изделий из монгольских захоронений.

Выявленные особенности указывают на то, что население Северного Прихубсугулья в начале II тыс. следовало в русле тех культурно-технологических тенденций, которые существовали в то время в регионе. В среде кочевниково-скотоводов они, прежде всего, выражались в изменениях, происходивших в сфере вооружения и конского снаряжения. Артефакты, относящиеся к этим категориям инвентаря, в исследованных захоронениях идентичны подобным находкам из других частей региона. Однако наряду с общими культурно-историческими тенденциями, фиксируемыми в Центральной Азии, население Северного Прихубсугулья обладало и определенными особенностями. Погребальный обряд, выявленный в ходе раскопок могилы № 4 некрополя Ногоон Гозгор 1, не находит близких аналогий в соседних районах. Поэтому предварительно можно говорить о культурных особенностях населения Прихубсугулья, выраженных в погребальной практике и керамическом производстве. Насколько они устойчивы в настоящее время судить сложно из-за малого количества исследованных захоронений, но уже сейчас с уверенностью можно утверждать, что культурные изменения, протекавшие в Центральной Азии в начале II тыс., проявились в Северном Прихубсугулье с некоторым запозданием. Возможно, это связано с противодействием жителей района распространению имперского культурного влияния, проявившегося, в том числе, и в выработке схожей погребальной практики. С другой стороны, это запаздывание можно объяснить малой привлекательностью Прихубсугулья для новых кочевых элит, что обусловлено особенностями его географического положения – высокогорьем и более суровыми климатическими условиями, чем в соседних районах (Харинский, Эрдэнэбаатор, 2011).

Результаты раскопок 2017 г.

В июле 2017 г. исследования на некрополе Ногоон Гозгор 1 были продолжены совместной археологической экспедицией Иркутского национального исследовательского технического уни-

верситета и Улан-Баторского государственного университета. Работы проводились на двух могилах – № 5 и 6. К моменту начала работ выяснилось, что на месте могилы № 6 заложен грабительский шурф. Захоронение было ограблено осенью 2016 г. или весной 2017 г. Грабительская яма впущена в могилу, из которой были выброшены кости человека, барана и остатки одежды. Грабителей интересовали только металлические вещи, которые и были ими изъяты из погребения. Видимо при поиске древних металлических вещей грабители использовали металлоискатель. Реконструировать по оставшимся деталям погребальный ритуал захоронения № 6 было невозможно. В грабительских отвалах и яме были собраны человеческие и бараньи кости и остатки одежды погребенной здесь женщины.

На месте могилы № 5 разбит раскоп площадью 32 м², ориентированный длинными стенками по линии север – юг (рис. 2). Перед раскопками вскрываемая площадь нивелировалась, определялась высота каменных конструкций, искусственных углублений и археологических находок. Отсчет высот велся от вершины репера № 1 (РП-1), установленного в 2008 г. Он представлял собой деревянный столбик, вкопанный в землю в 20 м к юго-западу от юго-западного угла раскопа, разбитого на месте могилы № 4. При нивелировочных работах вершина РП-1 принималась за «0». Точки, располагавшиеся ниже него, записывались со знаком минус (–), а выше него со знаком плюс (+). Отсчет высот велся в сантиметрах. Ниже всех располагался юго-восточный угол раскопа (–412). Выше всех северо-западный угол (–337).

Могила № 5 находилась к югу от лиственничного леса, в 20 м от кладки № 4 по азимуту 75° (рис. 2). В результате расчистки выяснилось, что кладка могилы № 5 имеет неправильную овальную форму размером 5×3 м. Длинной осью она ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. В центре конструкции каменное заполнение отсутствовало. Кладка была разобрана во время произошедшего еще в древности ограбления. Размер грабительского лаза в верхней части имел форму овала размером 0,8×1,9 м и был ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. Кладка одно-, двух-

слойная и преимущественно состоит из горизонтально уложенных камней. Их размеры варьируются от 8×8×4 см до 54×60×30 см. Ряд камней располагается наклонно. Такое положение они приобрели, когда грабители извлекали их из центральной части кладки и беспорядочно отбрасывали в сторону, чтобы добраться до останков погребенной. Выброшенные из верхней части грабительского шурфа камни образовали в южной части кладки дополнительный слой камней. Отдельные разрозненные камни располагаются на некотором удалении от кладки в северо-восточном направлении. Вероятно, они приобрели такое положение в ходе частичного разрушения первоначальной каменной конструкции (рис. 3, рис. 4, 1).

Кладка заложена из основания слоя серой супеси. После ее разборки и зачистки центральной части раскопа было выявлено несколько камней (рис. 4, 2). Самый крупный из них имеет размер

46×95 см, он занимал центральное положение. Самый маленький из зафиксированных камней имел размер 10×19 см. В 20 см к западу от скопления камней обнаружены 2 человеческие фаланги, они располагались на глубине 15 см от поверхности земли.

В слое серой супеси с дресвой, на глубине 20–30 см от поверхности земли проявились контуры могильной ямы. Они не очень четкие и образуют овал, ориентированный по линии юго-восток – северо-запад. В древности в могильную яму была сделана грабительская врезка. Размеры могильного пятна 1,0×2,1 м. Его цвет от светло-серого до бежевого и от темно-серого до бурого. Более темный цвет пятна в северо-западной части, где располагается грабительская яма, более светлый в юго-восточной части, куда не доходила грабительская врезка. В северо-западной части могильного пятна находилось два камня, располагавшихся на боко-

Рис. 3. Ногоон Гозгор 1, могила № 5, вид с северо-запада на кладку после расчистки
Fig. 3. Cemetery Nogoон Gozgor 1, grave Nr. 5, view from northwest to masonry after clearing

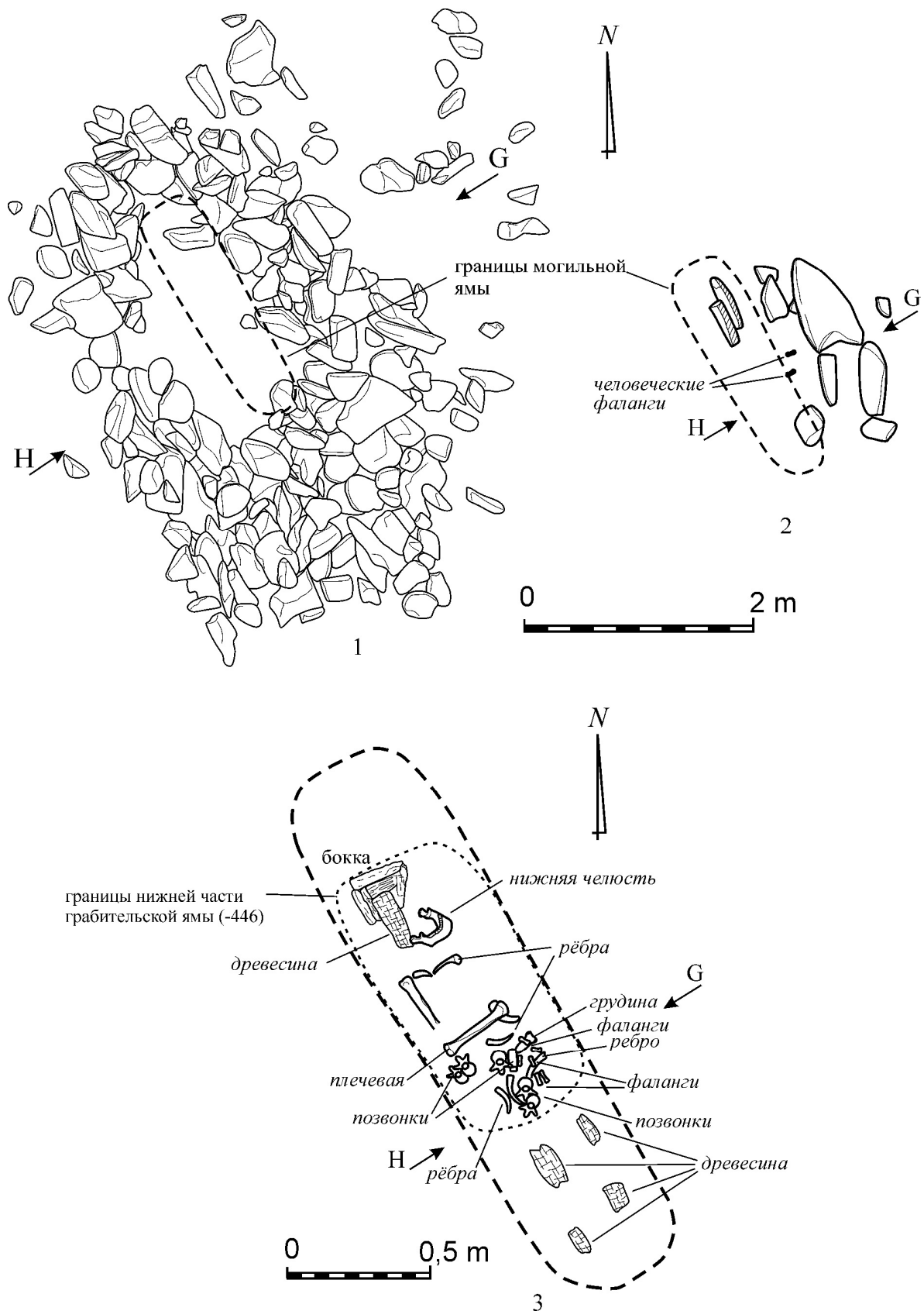

Рис. 4. Ногоон Гозгор 1, могила № 5: 1 – кладка после расчистки (–360); 2 – верхний уровень могильной ямы (–380); 3 – верхний уровень останков погребенной (–446)

Fig. 4. Cemetery Nogoön Gozgor 1, grave Nr. 5: 1 – masonry after clearing (–360); 2 – the upper level of the grave pit (–380); 3 – the upper level of the remains of the buried (–446)

вой грани (рис. 4, 2). Размер юго-западного из них 8×27×46 см, северо-восточного – 9×23×59 см. Они вплотную примыкают друг к другу. Вероятно, камни приобрели наклонное положение в процессе сползания в грабительскую яму, а не были так установлены изначально.

В могильной яме на глубине около 75 см от поверхности земли стали проявляться разрозненные человеческие кости (рис. 4, 3). Над областью таза и нижнего отдела позвоночника на глубине 80 см от поверхности земли располагались позвонки грудного и шейного отдела. Вместе с ними находились фаланги пальцев руки, ребра и грудина. Поперек могильной ямы располагалась левая плечевая кость, развернутая верхним эпифизом на северо-восток.

В северо-восточной части ямы зафиксированы остатки бокки (боггар) – женского головного убора из бересты. Сохранившаяся часть бокки имеет следующие размеры: длина – 36 см, ширина в самом узком участке – 13 см, в самом широком – 25 см. В конструкции бокки можно выделить два элемента – несущую (основную) часть и навершие (крышку) (рис. 6). Несущая (основная) часть имеет форму уплощенного цилиндра, а навершие – трапеции. Два этих конструктивных элемента соединяются швом.

К юго-востоку от бокки располагалась нижняя челюсть человека (рис. 4, 3). Череп отсутствовал. Сверху бокка перекрывалась фрагментом деревянной доски. Остатки древесины были отмечены и в юго-восточной части ямы. Вероятно, сверху умерший был накрыт деревянной доской или крышкой деревянной внутри могильной конструкции, стенки которой не сохранились.

Умерший располагался вытянуто на спине, верхней частью он был ориентирован по азимуту 325° (рис. 5, 1). Значительная часть скелета не потревожена. Кроме черепа, левой плечевой кости, большей части ребер, костей кистей рук, шейных и грудных позвонков, остальные кости находились в анатомическом порядке. Судя по ним, в могиле была погребена женщина старческого возраста. В нижней челюсти погребенной зафиксирован только один обломанный зуб (клык). Большую часть

зубов она утратила еще при жизни. Зубные ячейки, в которых они находились, зарубцевались.

Нижние эпифизы локтевых и лучевых костей скелета находились на тазовых костях. Под костяком зафиксированы фрагменты древесины, возможно, изначально это была доска. Под поясным отделом позвоночника погребенной обнаружено 3 стыковавшихся друг с другом поясничных позвонка барана. Из-за плохой сохранности древесины, не удалось определить находились ли они на доске или под доской, на которой располагалась умершая. Глубина могильной ямы составляла 0,85 м (рис. 5, 2).

В районе захоронения отмечена следующая стратиграфическая ситуация (сверху вниз, м): дерн – 0,04–0,07; серая супесь в основании с дрсвой – 0,15–0,20; бурая супесь с мелкими неокатанными камнями – 0,32–0,35; скальная крошка с обломочным материалом в желтой супеси – вскрыта до 0,40.

Могила № 6 расположена в 8 м от кладки № 5 по азимуту 100°, к югу от одиноко стоящей лиственницы (рис. 7). Кладка, описание которой производилось в 2007 г., четырехугольной формы размером 3,6×4,1 м. Она ориентирована по линии с азимутом 30°. Большая часть камней располагается горизонтально. С восточной стороны кладки один камень установлен вертикально. Его размеры 16×34×36 см, остальные камни 8×20–44×48 см.

На месте захоронения грабителями была оставлена вытянутая овальная яма. Ее размеры составили 1,5×0,7 м, глубина – 1,2 м, она ориентирована длинной осью по линии северо-запад – юго-восток (рис. 8).

Для того чтобы получить хоть какую-то информацию о разрушенном погребении, была проведена расчистка отвалов, образовавшихся из земли, выброшенной грабителями из ямы. В отвале встречены камни от надмогильной кладки, фрагменты шелковой ткани и кожи, человеческие и бараньи кости. Среди бараньих костей найдены плюсневая кость, ребра, астрагал, позвонки, плечевая кость и фрагменты других костей. Человеческие кости представлены позвонками, ребрами и лучевой костью.

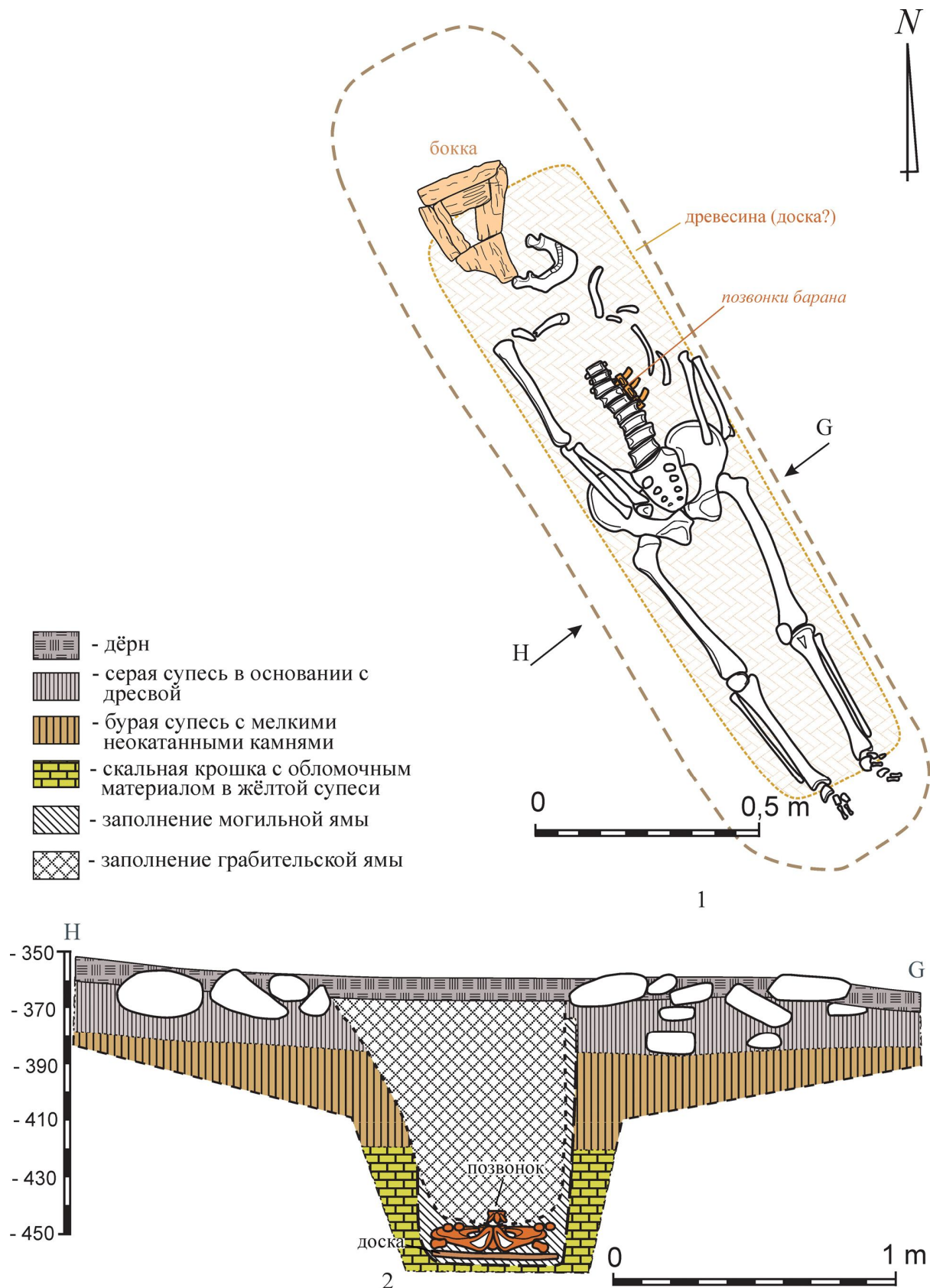

Рис. 5. Ногоон Гозгор 1, могила № 5: 1 – нижняя часть могильной ямы (–450) с неповрежденной частью костяка; 2 – поперечный стратиграфический разрез могилы

Fig. 5. Cemetery Nogoon Gozgor 1, grave Nr. 5: 1 – the lower part of the grave pit (–450) with undisturbed part of the skeleton; 2 – cross stratigraphic section of the grave

Рис. 6. Ногоон Гозгор 1, могила № 5. Берестяная основа бокки: 1 – лицевая сторона, 2 – обратная сторона
Fig. 6. Cemetery Nogoan Gozgor 1, grave Nr. 5. Birch bark base of bokka: 1 – front side, 2 – back side

Рис. 7. Ногоон Гозгор 1, могила № 6, снято с востока, 2008 г.
Fig. 7. Cemetery Nogoan Gozgor 1, grave Nr. 6, photographed from the east, 2008

Рис. 8. Ногоон Гозгор 1. Грабительский раскоп на месте могилы № 6, снято с юга

Fig. 8. Cemetery Nagoon Gozgor 1. Robber excavation at the site of the grave No. 6, photographed from the south

На дне ямы виднелись сваленные в кучу человеческие кости, слегка присыпанные почвой. Выше всех располагался череп женщины с отверстием в правой части теменной кости. Также в перемешанном состоянии было обнаружено несколько других костей человека и барана.

В северо-западном и юго-восточном торцевых концах ямы были сделаны подбои. В северо-восточную стенку подбоя уходили кости позвоночного отдела барана.

О функциональном назначении обнаруженных возле грабительской ямы фрагментов кожи судить сложно, поскольку они не сохранили своей первоначальной формы и размеров. Стоит только отметить, что они имеют зеленоватый оттенок (следы окислов меди), на одном из них есть отверстие трапециевидной формы с неровными сторонами, на боковой стороне другого фрагмента имеются регулярные небольшие отверстия – следы сшивания.

В процессе расчистки ямы было обнаружено множество фрагментов полихромной и однотонной шелковой ткани. Некоторые фрагменты украшены орнаментом. Можно выделить три его вида: изображения птиц и цветов; стилизованный облачный орнамент; орнамент в виде волнообразных линий.

Фрагмент ткани со стилизованным облачным орнаментом шириной 6,5 см, длиной 17,5 см (рис. 9) имеет искусственные продольные и поперечные прошитые складки и две продольные завязки шириной 1,2 см, пришитые к основе поперечным швом. Скорее всего, изначально цвет этой ткани был золотистый, но со временем он стал более блеклым. Местами цвет приобретает зеленоватые оттенки, что может являться следами окисления металла.

Фрагмент ткани, украшенный изображениями птиц и цветов (рис. 10) не имеет по краям следов обрыва и представляет собой хорошо сохранив-

Рис. 9. Ногоон Гозгор 1, могила № 6. Фрагмент ткани со стилизованным облачным орнаментом:

1 – лицевая сторона, 2 – оборотная сторона

Fig. 9. Cemetery Nagoon Gozgor 1, grave Nr. 6. Fragment of fabric with a stylized cloud ornament:

1 – front side, 2 – back side

шийся элемент костюма, близкий по своим размерам к носовым платкам. Он имеет серо-бурую цветовую основу на одной из сторон. Обратная сторона мутно-желтого цвета. Нити, которыми выполнен орнамент, на лицевой стороне имеют золотистый цвет. Выходя на оборотную сторону, они приобретают темно-серый цвет. Платок был сложен пополам по вертикали. Он четырехугольной формы размером 18,8×20,8 см (рис. 12). Платок вырезан из отреза ткани. По его верхнему, правому и нижнему краям располагается бахрома длиной

0,5 см. Перед бахромой по краю платка сверху, справа и снизу идет кант толщиной 3 мм, состоящий из 3 тонких полос. Слева канта нет. На ткани, из которой вырезан платок, по вертикали располагаются чередующиеся композиции. Они состоят из двух птиц с загнутыми клювами, сидящими с противоположных сторон от цветка, напротив друг друга. В одной из композиций птицы располагаются хвостами друг к другу. Их головы развернуты и обращены друг к другу. В другой композиции птицы повернуты грудками друг к другу, но головы их

Рис. 10. Ногоон Гозгор 1, могила № 6. Шелковый платок с изображением попугаев и пионов:

1 – оборотная сторона, 2 – лицевая сторона

Fig. 10. Cemetery Nogoон Gozgor 1, grave Nr. 6. Silk handkerchief with the image of parrots and pions:

1 – the reverse side, 2 – the front side

развернуты в противоположные стороны. Ряды композиций с птицами разделены вертикальными рядами изображений цветов.

Кусок ткани для платка был вырезан таким образом, что в него попало шесть композиций с птицами – три в одном вертикальном ряду и три в другом. В обоих рядах сверху располагаются композиции, в которых птицы повернуты друг к другу хвостами. В центре – композиции с птицами, повернутыми друг к другу грудками. В нижних композициях повторяются изображения верхней части платка. В средних композициях хвосты у птиц длиннее, чем в верхних и нижних композициях. Остальные элементы декора сохраняют одинаковые размеры в разных частях платка.

Изображения птиц и цветов не симметричны относительно вертикальной и горизонтальной срединной линии платка. Хвосты птиц нижних композиций располагаются у края платка. В верхней композиции между головами птиц и верхним краем платка находится горизонтальный ряд, состоящий

из листьев растений. Правый край платка захватил большую часть вертикального ряда растений, разделяющего композиции с птицами, а левый край его меньшую часть.

Обсуждение

В 2017 г. на могильнике Ногоон Гозгор 1 исследовано два женских захоронения. Первое из них было ограблено еще в древности, поэтому погребальная конструкция и целостность костяка были нарушены. Вероятно, грабители изъяли часть сопроводительного инвентаря, в том числе и украшения бокки. Проследить погребальную конструкцию и положение костяка во втором захоронении (№ 6) не удалось. Они были нарушены современными грабителями. Сверху могила перекрывалась каменной кладкой. Грабительский шурф, обнаруженный в 2017 г., вероятно, повторял форму могильной ямы. Он был вытянут с юго-запада на северо-восток. Поэтому можно считать, что погребенная была ориентирована головой на северо-

1

2

3

4

Рис. 11. Императрицы династии Юань в головных уборах бокка (богтаг):

1 – Тажигийн (Таджи) жена Дармабала, брата Тэмура (1294–1307); 2 – Жэнгэ жена ХайсанХулуг (1307–1311);

3 – жена Хайсан Хулуга, мать Туг-Тэмура (1328–1329); 4 – жена Шидэбала (1321–1323)

Fig. 11. Empress of the Yuan Dynasty in the headdresses of bokkah (bogtag):

1 – Tajigiyin (Taji), the wife of Darmabal, the brother of Temur (1294–1307); 2 – Zhangge, wife of HaysanHulug (1307–1311);

3 – wife of Haysan Huluga, mother of Tug-Temur (1328–1329); 4 – wife of Shidabal (1321–1323)

Рис. 12. Ногоон Гозгор 1, могила № 6. Прорисовка орнаментальной композиции с шелкового платка
Fig. 12. Cemetery Nagoon Gozgor 1, grave Nr. 6. Drawing of ornamental composition from a silk scarf

запад и располагалась вытянуто на спине, как в двух других захоронениях могильника – № 4 и 5. Несмотря на полное разрушение могилы № 6 и изъятие из нее всех металлических вещей, возле грабительской ямы были собраны остатки одежды, позволяющие судить о костюме погребенной.

В северо-западной части могильной ямы погребения № 5 зафиксированы остатки берестяной основы бокки (богтаг, бугтак, бокто, гу-гу и др.) – являвшейся в имперский период (XIII–XIV вв.) «характерным для монголов женским головным убором» (Фёдоров-Давыдов, 1966. С. 36). На террито-

рии Северного Прихубсугуля это первая подобная находка. Бокка не являлась повседневным головным убором женщин и надевалась лишь по торжественным поводам. Бокка делалась из древесной коры или бересты, покрывалась шелковой тканью и украшалась павлиньими перьями и драгоценными камнями (Лхагвасурэн, 2007. С.227–228). Этот головной убор воспроизведен на портретах императриц Юаньской династии, оригиналы которых сохранились в архивах старинного императорского дворца в Пекине (Mostaert, 1927). Форма бокк на всех портретах практически одинакова (рис. 11). Сверху они покрыты красной тканью. Различаются лишь украшения, крепившиеся к этим головным уборам (Эрдэнэбат, 2006. С. 32–36).

В конструкции берестяной основы боки из могилы № 5 можно выделить три элемента – несущую часть, навершие и крышку (рис. 6). Несущая часть имеет форму уплощенного цилиндра, а навершие – форму уплощенной трапеции (уплощены под тяжестью земли). Два этих конструктивных элемента соединяются швом. Навершие состоит из 12 фрагментов бересты различной формы. На правой стороне от основания навершия (соединительного шва с основной частью) вверх тянутся 4 полоски бересты, имеющие форму параллелограмма или прямоугольника – по 2 с каждого края (внахлест), с наклоном влево и вправо соответственно. На концах эти полоски соединяются с другим фрагментом бересты, имеющим форму вытянутой трапеции. Одна из крайних полосок большей ширины, чем остальные, имеет продольный сгиб и накладывается на край левой стороны бокки, тем самым, соединяя обе стороны. С левой стороны также тянутся полоски бересты. Две с одного края и три с другого. Сверху данная конструкция перекрывается крышкой, имеющей форму вытянутого прямоугольника. Длинными сторонами данный элемент соединялся с верхними частями правой и левой сторон. Каждый фрагмент бересты скрепляется с другим с помощью шва, о чем говорят регулярные отверстия по краям. Нити не сохранились.

Несущая часть берестяной основы бокки устроена проще. Она состоит из одной ленты бересты, концы которой накладываются друг на друга, тем

самым образуя цилиндр. Концы ленты скреплены швом.

Исходя из конструктивных особенностей, бокку из могилы № 5 следует отнести к монголо-тяньшаньской разновидности (Пилипенко, 2007; Пилипенко, 2013). Это объясняется формой ее составных элементов – широкой основной несущей частью (конусообразный цилиндр), трапециевидным навершием и прямоугольной крышкой. Бокки с территории Нижнего Поволжья (Мыськов, 1995.С. 42) и их томско-алтайские разновидности (Пилипенко, 2003.) характеризуются более узкой и высокой основой, воронкообразным навершием (томско-алтайская), навершием в форме остроносого сапожка (Нижнее Поволжье) и овальной крышкой.

В записях Дж. Де Плано Карпини и Г. де Рубрука можно найти сведения о монгольских бокках. Первый из них пишет: «На голове ... они носят нечто круглое, сделанное из прутьев или из коры, длиною в один локоть и заканчивающееся наверху четырехугольником, и снизу доверху этот [убор] все увеличивается в ширину» (Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука, 1957. С. 27). Г. Рубрук добавляет: «Они носят украшение на голове, именуемое бокка, устраиваемое из древесной коры или из другого материала, который они могут найти, как более легкий, и это украшение круглое и большое, насколько можно охватить его двумя руками; длиною оно в локоть и более, а вверху четырехугольное, как капитель колонны» (Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука, 1957. С. 100).

Приведенные описания навершия бокк – «четырехугольник», «как капитель колонны» – не противоречат описанию навершия бокки с Ногоон Гозгор 1. Отражение подобной формы женского голов­ного убора в письменных источниках подкрепляется аналогичными археологическими находками с территории Монголии, Киргизии, Тувы, Алтая и других регионов. По данным У. Эрдэнэбата, к 2003 г. на территории Монголии было раскопано 24 захоронения, в которых обнаружены остатки бокки (Эрдэнэбат, 2006. С. 114–116). При этом на территории Хубсугульского аймака остатков боки найдено не было. По сведениям Х. Лхагвасурэна, за 1988–2012 гг. археологами Г. Мэнэсом и У. Эрдэн-

батом были обнаружены остатки 20 бокк (Лхагвасурэн, 2015. С. 116).

Остатки бокки как правило располагались в верхней части туловища погребенной. Например, в захоронении Нарын Хадны Восточногобийского аймака они находились на правом плече умершей (Хүрэлсүх, 2012. С. 20, рис. 32–34). В могиле № 2 у горы Бууралуул (Селенгинский аймак) они лежали на груди погребенной женщины (Коновалов, 2017. С. 70). На могильнике Боз-Адыр в Кыргызстане остатки боки найдены в трех женских погребениях. В кургане № 10 они располагались справа от черепа, в кургане № 11 – к северо-востоку от черепа, в кургане № 38 – над правой плечевой костью погребенной (Орозбекова, Акматов, 2016. С. 178–179, рис. 2–3). На могильнике Сарыг-Хая в Туве берестяная основа боки находилась на черепе погребенной женщины (Пилипенко, Жадаева, 2017. С. 201, рис. 1–2). На алтайском могильнике Телеутский

Взвоз 1 остатки бокки обнаружены как в «ногах» (курган № 8), так и в районе головы (курган № 12) (Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002. С. 50, 58). На основе фрагментов одной из бокк, найденных на могильнике Телеутский Взвоз 1, была выполнена реконструкция этого головного убора. Восстановленная бокка по формальным признакам отнесена к монголо-тянь-шаньской разновидности (Тишкин, 2003; Тишкин, Пилипенко, 2016. С. 21, рис. 1–11, 12).

Среди остатков тканей, обнаруженных у могилы № 6, особого внимания заслуживает шелковый платок, украшенный изображениями птиц и цветов (рис.12). Подобные изображения цветков на шелковых тканях обнаружены в погребениях кочевников на территории Ставропольского края – могильник Новопавловский (рис.13, 1) (Нарожный, Охонько, 2007; Доде, 2007. С. 106, рис. 6) и в Ростовской области (междуречье Дона и Сала) – курганный

1

2

Рис. 13. Шелковые ткани с изображением пионов:

1 – Новопавловский могильник (Доде, 2007); 2 – могильник Вербовый Лог (Доде, 2007)

Fig. 13. Silk fabrics with the image of pions:

1 – cemetery Novopavlovsky (Dode, 2007); 2 – cemetery Verbovy Log (Dode, 2007)

могильник Вербовый Лог (рис. 13, 2) (Власкин, Гармашов, Доде, Науменко, 2006; Доде, 2007. С. 106, рис. 7).

Наибольшее сходство с цветами на платке из Ногоон Гозгор 1 фиксируется у цветков на шелковой ткани, происходящей из некрополя Новопапавловский, датируемого XIII–XIV вв. (Доде, 2007. С. 106, рис. 6). Близость двух изображений отмечается в расположении пестика и центральных лепестков цветов, которые отличны по форме от других. Пестик представляет собой символическое изображение «сердца» с тремя вершинами. Центральные лепестки на платке из Ногоон Гозгор 1 отходят по одному с двух сторон от основания завязи цветка под углом примерно 45° влево и вправо соответственно. Они прямые, за исключением окончаний, которые загибаются в противоположные друг от друга стороны и приобретают серповидный облик. Лепестки же цветка с ткани из Новопапавловского могильника изображены несколько иначе. Они также отходят с двух сторон от завязи цветка, но они не прямые, а полукруглые и их внутренние стороны изображены в волнообразной манере. З.В. Доде в статье «Бестиарий на “монгольских” шелках. Стил и семантика дизайна» определяет аналогичные изображения как изображения цветков пиона (Доде, 2007. С. 106–107).

Наличие изображения цветка пиона в орнаментальной композиции может указывать на китайскую изобразительную традицию. В китайской культуре и, в частности, в изобразительной традиции пион являлся одним из классических элементов, символизирующих любовь, жизнь, плодоношение (Доде, 2007. С. 106), благополучие, процветание (Ромах, 2011. С. 232), весну (Тянь Хэ, 2011. С. 176), аристократизм, достоинство, славу, почести и высокое положение (Грибина, Ермолаева, Илюшина, Федосеева, 2017).

В традиционной китайской культуре орнаменту всегда придавалось особенное значение. Как правило, китайский орнамент, в том числе и введенные в него изображения птиц, животных и цветов, представляет собой не просто совокупность элементов, мотивов, композиций, которые нужно понимать прямолинейно, а сложную систему знаков и символов (Неглинская, 2012. С. 421).

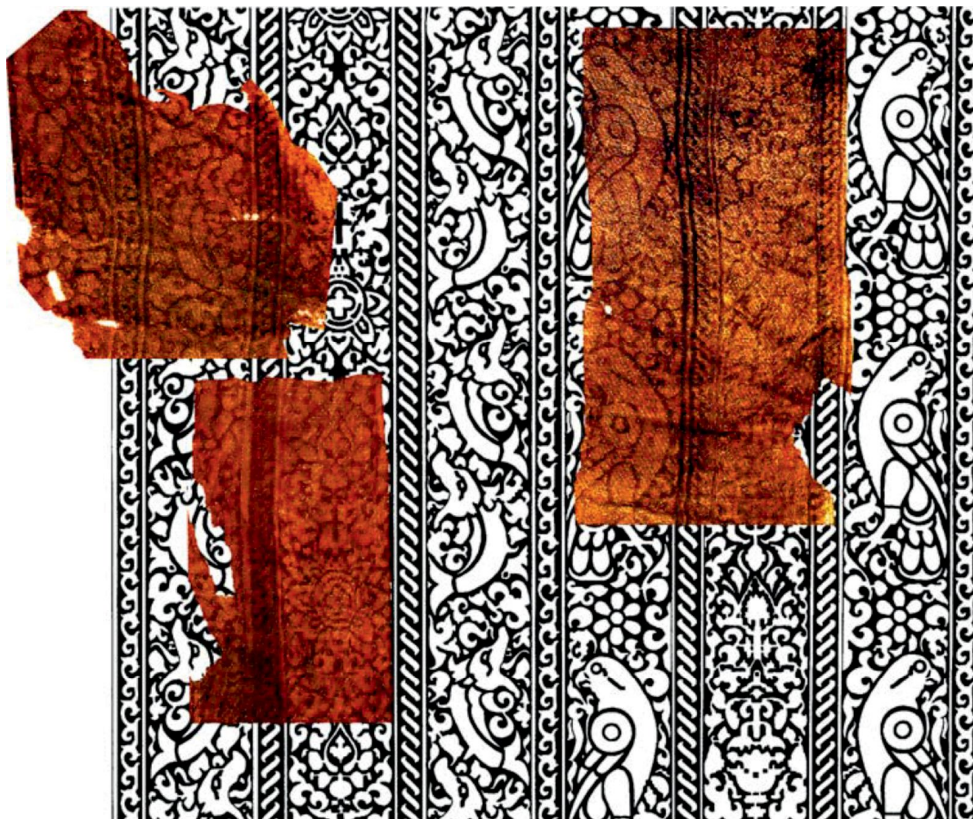
Наибольшее сходство с орнитоморфным изображением с платка из Ногоон Гозгор 1 имеет изображение птицы, встреченное на шелковой ткани из могильника Вербовый Лог и интерпретированное как изображение попугая (рис. 14, 1) (Доде, 2007. С. 108–109, рис. 9, 10).

На платке из Ногоон Гозгор 1 по вертикали изображено несколько композиций, в составе которых присутствуют две птицы, разделенные цветом пиона. В двух композициях в центре платка птицы обращены грудками друг к другу, но развернуты головами в противоположные стороны. В композициях в верхней части платка и в нижней части они развернуты грудками в противоположные стороны, но обращены повернутыми головами друг к другу.

Как отмечает Д.Е. Куликов, зачастую изображение попугая можно перепутать с изображением хищных птиц, например, коршунов (Куликов, 2002. С. 26). Дифференцирующим критерием в таком случае может служить изображение пальцев на лапках птицы, а именно их расположение. Только у попугаев, дятлов, кукушек и туранов 1-й и 4-й пальцы обращены назад, у сов и тураковых 4-й палец подвижен и может быть направлен как вперед, так и назад (Ильичев, Карташев, Шилов, 1982. С. 108).

У птицы, интерпретированной как попугай, с ткани из Вербового Лога изображено всего три пальца – два направлено вперед и один назад. У птицы с платка из Ногоон Гозгор 1 схематично изображен обхват пальцами ветви, т. е. одна часть лапки обхватывает ветвь спереди, другая сзади. В связи с этим нет возможности точно сосчитать количество пальцев.

Интересно еще одно изображение попугая на ткани ке-сы, хранящейся в музее искусств Метрополитен в Нью-Йорке и датирующейся концом XI – началом XIII вв. (рис. 14, 2) (Watt, Wardwell, 1997. P. 173, cat. no. 50). Образец ткани хорошо сохранился, изображение попугая четкое и реалистичное, если говорить об оперении и окраске перьев, которые имеют в основе зеленый цвет и белосиние вставки. Однако у изображенного попугая три пальца на лапке. С учетом того, что данное изображение попугая в целом весьма реалистично с точки зрения анатомии и внешних признаков,

1

2

Рис. 14. Шелковые ткани с изображением попугаев: 1 – могильник Вербовый Лог (Додэ, 2007);
2 – ткань ке-сы из музея искусств Метрополитен в Нью-Йорке (Watt, Wardwell, 1997)
Fig. 14. Silk fabrics with the image of parrots: 1 – cemetery Verbovy Log (Dode, 2007);
2 – cloth ke-sy from the Metropolitan Museum of Art in New York (Watt, Wardwell, 1997)

можно говорить о схематичности исполнения рисунка. Возможно, подобный подход к изображению лап птицы имел место и на других образцах декоративного искусства этого времени.

Как указывалось, изображение попугая действительно можно спутать, например, с изображением коршуна. Единым для хищных птиц, таких как коршун, ястреб и сокол является наличие «крючка» на надклювье клюва. Данная морфологическая особенность клюва характерна и для попугаев (Ильичев, Карташев, Шилов, 1982. С. 129). Критерием отличия может служить степень выделения (выноса) клюва. В случае с попугаем клюв более приплюснут, чем у хищных птиц, и выделение (вынос) направлено скорее вниз, чем вперед.

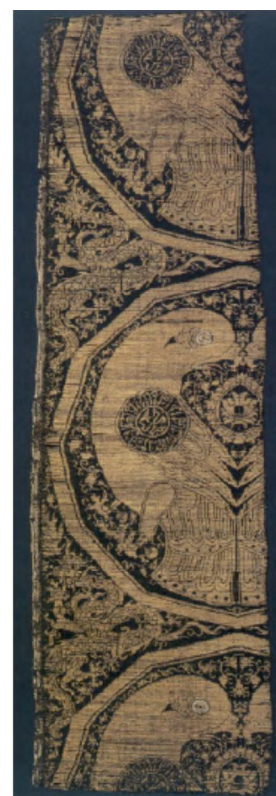
Большое сходство с орнаментом на платке из Ногоон Гозгор 1 в изображении головы и клюва попугая имеет изображение на ткани из коллекции Смитсоновского института в Вашингтоне (рис. 15, 1). На нем попугаи изображены в резных

«медальонах», разделенных растительно-геометрическим орнаментом (Rossabi, 2002. Р. 29, fig. 25). Представленный образец датируется XIII–XIV вв.

Приведем еще примеры изображения попугаев на тканях. На фрагменте ткани из Берлинского музея искусств (рис. 15, 2) (The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art, 2002. Р. 72, fig. 75) попугаи изображены в многогранных «медальонах». Они обращены в противоположные стороны и соприкасаются хвостами, а их головы повернуты в обратном направлении, т. е. друг к другу. Эта ткань имеет Центрально-азиатское происхождение и датируется первой половиной XIV в. Другое изображение попугая обнаружено в погребении у скалы Нартын Хадан, расположенной в юго-восточной части Монголии, в аймаке Дорноговь (Восточногобийском), сомоне Даланжаргалан (Эрдэнбат, Хүрэлсүх, 2007.С. 355, рис. 10). Шелковая основа найденного там дэли (дэгэл) имеет красноватый оттенок. На

1

2

Рис. 15. Шелковые ткани с изображением попугаев: 1 – ткань из Смитсоновского института в Вашингтоне (Rossabi, 2002); 2 – ткань из Берлинского музея искусств (The Nasser D. Khalili Collection..., 2002)
Fig. 15. Silk fabrics with the parrots depicting: 1 – cloth from the Smithsonian Institution in Washington (Rossabi, 2002); 2 – cloth from the Berlin Museum of Art (The Nasser D. Khalili Collection ..., 2002)

ней золотой нитью вытканы изображения птиц, парящих среди облаков. Птицы изображены с раскрытыми крыльями и повернутыми в сторону головами. Идентифицировать данное орнитоморфное изображение как изображение попугая помогает форма головы, размер и форма клюва (небольшой клюв, приплюснут и несильно выделяется вперед).

Теперь обратимся к семантике образа попугая. В «Книге попугая» («Тути-Наме»), составленной в первой половине XIII в. индо-персидским писателем Зийа ад-Дином Нахшаби, попугай предстает в роли советчика, предсказателя будущего и помощника мужей, которым рассказывает о неискренности и обмане жен (Зийаад-Дин Нахшаби, 1979). Способность попугая подражать человеческой речи воплощалась в образе посредника между миром живых и миром мертвых. В китайской культуре никакого толкования образа попугая не находим. Отметим, что именно для китайской культурной традиции не характерно совместное изображение попугая и цветков пиона. Наиболее типичным является изображение пиона и пары фениксов, которые символизировали влюбленных (Ярмилова, 2009. С. 467). Изображение попугая более характерно для персидской изобразительной традиции. Сочетание изображения пиона, как типично китайского элемента, с изображением попугая может говорить о влиянии персидской традиции. Собственно изображение попугая на ткани из Вербового Лога, которое наиболее сходно с изображением попугая на ткани из Ногоон Гозгор 1, связывается с культурно-семантическим пространством Персии (Доде, 2007. С. 110). Слияние разных по происхождению образов, т. е. эклектика, представленная в орнаменте платка из Ногоон Гозгор 1 объясняется тем, что создание Монгольской империи запустило мощные интеграционные процессы. Развитие торговли между разными частями империи, система налогообложения и переселение ремесленников различных национальностей формировало благодатную почву для культурного обмена и создавало единое культурное пространство.

Для датировки, раскопанных в 2017 г. погребений и некрополя в целом, обратимся к материалам могилы № 4, исследованной в 2008 г. Основываясь на морфологических особенностях наконеч-

ников стрел, обнаруженных в ней, его можно датировать XIII–XIV вв. Уточнить хронологические рамки поможет радиоуглеродная дата, полученная по костям погребенного – 880 ± 70 л. н. (СОАН-7574). Дата и ее доверительный интервал были калиброваны в программе «Oxcal 4.2» (Bronk Ramsey, 2009) при помощи базы данных IntCal13 (Reimer, Bard, Bayliss и др., 2013). С учетом калибровки возраст захоронения № 4 (2 Sigma – 95,4 % вероятности) соответствует середине XI – середине XIII в. (1026–1262 AD). Взаимное пересечение двух хронологических диапазонов (возраст наконечников и радиоуглеродная дата) позволяет определить время сооружения погребения первой половиной XIII в. (Харинский, Эрденебаатор, 2011. С. 120–121).

Исследования, проведенные на некрополе Ногоон Гозгор 1 в 2008, 2009 и 2017 гг., позволяют отнести раскопанные на нем погребения к одному временному периоду, и хотя в конструкции и сопроводительном инвентаре могил есть определенная разница, она не является следствием разновременности этого памятника. Вероятно, формирование могильника проходило с запада на восток. Наиболее ранние захоронения находились выше по склону, а более поздние ниже. При этом в двух мужских захоронениях (№ 3 и 4), расположенных выше по склону, ориентировка умерших была головой на север, отсутствовали внутримогильные конструкции. В двух женских захоронениях (№ 5 и 6), локализующихся ниже по склону, ориентировка погребенных была головой на северо-запад. В могиле № 5 зафиксированы остатки деревянной внутримогильной конструкции.

Хотя сопроводительный инвентарь в могиле №5 не обнаружен, здесь была найдена берестяная основа бокки. Основываясь на имеющихся к настоящему времени материалах можно утверждать, что бокка является одной из важных составляющих монгольской культуры имперского периода и может служить надежным датирующим элементом (Акматов, Табалдиев, 2016). По мнению целого ряда исследователей, бокка выступала как показатель социального статуса погребенной и подчеркивала ее отношение к категории замужних женщин (Мыськов, 1995. С. 42; Ямилова, 2009. С. 122; Орозбекова, Акматов, 2016. С. 181).

Все приведенные аналогии шелкового платка из погребения № 6 с изображениями цветков пиона и попугаев датируются XIII–XIV вв. Это подтверждает правомерность отнесения некрополя к имперскому периоду. Могильник Ногоон Гозгор 1, вероятно, являлся родовой усыпальницей, и время его использования не было значительным. Предварительно период его существования можно определить XIII в. – началом XIV в.

Заключение

Данные, полученные в 2017 г., существенно дополнили представления о погребальном обряде, фиксируемом на могильнике Ногоон Гозгор 1. Он является самым северным из некрополей XIII–XIV вв. на территории Монголии. Материалы могильника, находящегося на стыке двух азиатских регионов – Байкальского и Саяно-Алтайского, позволяют более детально представить культурно-социальные процессы, протекавшие здесь, и реконструировать этно-политическую обстановку в Центральной Азии во времена Монгольской империи.

К настоящему времени изучено четыре из семи археологических объектов, обнаруженных на памятнике и обозначенных на поверхности земли искусственной каменной кладкой. Все каменные конструкции оказались надмогильными сооружениями, под которыми располагались ямы с останками погребенных. Два захоронения могильника подверглись полному ограблению (№ 3 и 6), а одно частичному (№ 5). Единственным не потревоженным захоронением было погребение № 4. Ограниченность данных, полученных к настоящему времени, позволяет сделать лишь ряд предварительных замечаний о погребальном ритуале жителей Северного Прихубсугуля в XIII–XIV вв.:

1. Как мужские, так и женские захоронения могильника перекрывались плоской каменной кладкой. У погребения № 4 она была четырехугольной формы размерами 3×3,3 м. Кладка однослойная, в центре двухслойная. У других захоронений кладки были разрушены, поэтому с уверенностью говорить об их форме и размерах невозможно.

2. Под кладками находились могильные ямы овальной формы размером 0,65–0,9×2,0–2,1 м и глубиной 60–85 см. Умершие располагались вытянуто, головой на север (№ 3, 4) или северо-запад (№ 5 и 6). В погребениях № 4 и 5 умершие располагались на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками. Вероятно, такое же положение погребенных было и в двух разрушенных грабителями захоронениях.

3. В трех из четырех исследованных могил вместе с останками погребенных обнаружены кости барана. В погребении № 6 их первоначальное положение установить не удалось. В могилах № 4 и 5 найдены три соединенные вместе поясничных позвонка барана. В первом из захоронений они находились под левым плечом погребенного, а во втором под спиной. Кроме этого, в погребении № 4 между левым плечом и стенкой ямы обнаружены останки двух ног молодого барана, лежавшие одна на другой.

Особенности погребального ритуала, отмеченные на могильнике Ногоон Гозгор 1, не позволяют отнести исследованные захоронения к монгольским погребениям имперского периода. На это указывают некоторые особенности. В захоронениях практически отсутствуют деревянные внутримогильные конструкции. Остатки деревянной крышки и дна отмечены лишь в могиле № 5, где погребена женщина. Однако при этом не исключено, что захоронения женщин могли включать отдельные элементы погребального ритуала, которые отсутствовали у местного населения. Женщин могли брать в жены из других племенных или родовых групп, культурные традиции которых отличались от представлений обитателей Северного Прихубсугуля. В этом же захоронении найдены остатки бокки, которая, по мнению целого ряда исследователей, является типичным головным убором монгольских женщин XIII–XIV вв. Она отличающаяся расширяющимся наверху от других вытянутых вверх женских головных уборов, встречающихся у жителей степной полосы Евразии. В дальнейшем бокка становится престижной частью гардероба и у народов, вошедших в состав Монгольской империи.

В исследованных захоронениях не обнаружена вертикально установленная берцовая кость ба-

рана. Тем не менее, кости этого животного представлены в трех могилах. При этом поясничные позвонки барана, как и у значительной части монгольских захоронений, располагались под телом погребенного.

Обнаруженные в захоронениях вещи имеют широкое распространение в среде кочевников-скотоводов, населявших Центральную Азию и Южную Сибирь в XIII–XIV вв. Все это позволяет говорить о том, что населению Северного Прихубсугуля не были чужды культурно-технологические изменения, проходившие в это время в среде кочевых сообществ. Помимо этого, оно имело доступ к вещам, которые происходили из регионов, удаленных на тысячи километров от побережья Хубсугула. Примером этому является шелковый платок с изображениями пионов и попугаев.

На нынешнем этапе исследований могильник Ногоон Гозгор 1 может быть охарактеризован как некрополь, оставленный местной группой населения. Вероятно, она имела тюркское происхождение

и может быть связана с потомками дубо, которые известны в XIII–XIV вв. под именем туматы (Харинский, 2001. С. 36–42).

Археологические исследования на северном побережье озера Хубсугул в 2017 г. стали возможны благодаря финансовой поддержке А.Н. Недбаева и Г.К. Рыкова. Их интерес к прошлому Северной и Центральной Азии помог реализовать не один исследовательский проект. С помощью студентов и сотрудников Иркутского государственного университета и Иркутского национального исследовательского технического университета нашей экспедиции удавалось быстро решать бытовые и научные задачи, возникающие во время проведения полевых работ. Терпение и мастерство консерватора Батчимэг Болормы позволило очистить и сохранить находки, обнаруженные на могильнике Ногоон Гозгор 1.

Библиографический список

Акматов К.Т., Табалдиев К.Ш. Об этнокультурной принадлежности погребений с овальной каменной насыпью XIII–XIV вв. на Тянь-Шане // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII Междунар. науч. конф. В 2 т. Т. 1 / отв. ред. П.В. Мандрыка. Красноярск: Сибирский федеральный университет. 2016. С. 10–17.

Власкин М.В., Гармашов А.И., Доде З.В., Науменко С.А. Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала: материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IV. М.: Памятники исторической мысли, 2006. 232 с.

Выркин В.Б., Белозерцева И.А., Энхтайван Д. Ландшафты Прихубсугуля: современное состояние и рациональное использование. Иркутск: Институт географии им. Б.В. Сочавы СО РАН, 2013. 107 с.

Грибина Г.А., Ермолаева Е.Л., Илюшина Е.С., Федосеева Л.А. Значение цветов сливового дерева и пиона в культуре Китая, в его изобразительном искусстве и ли-

References

Akmatov K.T., Tabaldiev K.Sh. *Ob etnokul'turnoi pri-nadlezhnosti pogrebenii s oval'noi kamennoi nasyp'yu XIII–XIV vv. Na Tyan'-Shane* [On the ethnocultural affiliation of burials with an oval stone embankment in the 13th–14th centuries. on the Tien-Shan]. *Materialy VII Mezhdunarodno nauchnoi konferentsii "Drevnie kul'tury Mongolii, Baikal'skoi Sibiri i Severnogo Kitaya"* [Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China]. In 2 vol. Vol. 1. Krasnoyarsk: Siberian Federal University Publ., 2016, pp. 10–17. (In Russian).

Vlaskin M.V., Garmashov A.I., .V., Naumenko S.A. *Pogrebeniya znati zolotoordynskogo vremeni v mezhdurech'e Dona i Sala: materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza* [Burials of the nobility of the Golden Horde time in the interfluvium of Don and Sala Rivers: materials on the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus.]. Iss. IV. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2006, 232 p. (In Russian).

Vyrkin V.D., Belozertseva I.A., Enkhtai van D. *Landshafty Prikhubsugul'ya: sovremennoe ostoyanie i ratsional'noe ispol'zovanie* [Landscapes of Hubsugul: current state and rational use]. Irkutsk: Institute of Geography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2013. 107 p. (In Russian).

Gribina G.A., Ermolaeva E.L., Ilyushina E.S., Fedoseeva L.A. The meaning of the colors of plum and peony in the culture of China, in its visual arts and literature. *Sovremen-*

тературе // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2017/12/85155> (02.03.2018).

Доде. З.В. Бестиарий на «монгольских» шелках. Стил и семантика дизајна // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 2 (30). С. 100–113.

Зийаад-Дин Нахшаби. Книга попугая (Тути-наме) / пер. с перс. Е.Э. Бертельса. М.: Наука, 1979. 348 с.

Ильичев В.Д., Картасhev Н.Н., Шилов И.И. Общая орнитология. М.: Высшая школа, 1982. 464 с.

Коновалов П.Б. Средневековые погребальные памятники Монголии и вопросы раннемонгольской археологической культуры // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 65–84. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-65-84

Куликов Д.С. Орнитологические мотивы в культуре Шан-Инь и их связь с древнекитайской мифологией // Общество и государство в Китае: тезисы и доклады XXXII научной конференции. М.: Восточная литература, 2002. С. 6–42.

Лхагвасурэн Х. Монгольские погребения периода Чингис Хана (XII–XIV вв.). Улан-Батор: Адмонпринтинг, 2015. 156 с.

Мыськов Е.П. О некоторых типах головных уборов населения Золотой Орды // Российская археология. 1995. №2. С. 36–43.

Нарожный Е.И., Охонько Н.А. Новопавловский могильник XIV века в системе евразийских древностей: материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 7. Ставрополь: Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве; Армавир: Центр археологических исследований Армавирского государственного педагогического университета, 2007. 175 с.

Неглинская М.А. О стилевых тенденциях в архитектуре, изобразительном искусстве и ремесле эпох Юань и Мин // Общество и государство в Китае. 2012. Т. 42. № 7–3. С. 395–433.

Орозбекова Ж., Акматов К.Т. Женские головные уборы у населения Тянь-Шаня в монгольскую эпоху // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 5: Археология и этнография. С. 174–186.

Пилипенко С.А. К вопросу о выделении монголо-

nye nauchnye issledovaniya i innovatsii [Modern scientific research and innovations], 2017, no. 12. Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2017/12/85155> (accessed March 2, 2018).

Dode .Z.V. Bestiary on “Mongolian” silks. Style and semantics of design. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia], 2007, no. 2 (30), pp. 100–113. (In Russian).

Zia ad-Din Nakhshabi. *Kniga popugaya (Tuti-name)* [The parrot's book (Tuti-name)]. Moscow: Nauka Publ., 1979, 348 p. (In Russian).

Il'ichev V.D., Kartashev N.N., Shilov I.I. *Obshchaya ornitologiy* [General Ornithology]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1982, 464 p. (In Russian).

Kononov P.B. Medieval burial sites of Mongolia and questions of early Mongolian archaeological culture. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Journal of Ancient Technology Laboratory], 2017, vol. 13, no. 4, pp. 65–84. (In Russian). DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-65-84

Kulikov D.S. *Ornitologicheskie motivy v kul'ture Shan-In` i ikh svyaz` s drevnekitaiskoi mifologiei* [Ornithological motifs in Shan-Yin culture and their connection with ancient Chinese mythology]. *Tezisy i doklady XXXII nauchnoi konferentsii “Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae”* [Society and state in China]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2002, pp. 6–42. (In Russian).

Lkhagvasuren Kh. *Mongol'skie pogrebeniya perioda Chingis Khana (XII–XIV vv.)* [Mongolian burials of the period of Genghis Khan (XII–XIV centuries)]. Ulan-Bator: Admon printing Publ., 2015, 156 p. (In Russian).

Mys'kov E.P. About some types of headgear of the population of the Golden Horde. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 1995, no. 2. pp 36–43. (In Russian).

Narozhnyi E.I., Okhon'ko N.A. *Novopavlovskii mogil'nik XIV veka v sisteme evraziiskikh drevnostei: materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Novopavlovsky cemetery of the XIV century in the system of Eurasian antiquities: materials and research on the archeology of the North Caucasus]. Iss. 7. Stavropol': The Stavropol State Historical, Cultural and Natural-Landscape Museum-Reserve named after. G.N. Prozriteleva and G.K. Prave Publ.; Armavir: Center for Archaeological Research of the Armavir State Pedagogical University Publ., 2007, 175 p. (In Russian).

Negliinskaya M.A. On style trends in architecture, fine arts and crafts of the Yuan and Ming epochs. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and the state in China], 2012, vol. 42, no. 7–3, pp. 395–433. (In Russian).

Orozbekova Zh., Akmatov K.T. Female headdresses from the population of the Tien Shan in the Mongolian era. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology], 2016, vol. 15, no. 5: *Arkheologiya i etnografiya* [Archeology and Ethnography], pp. 174–186. (In Russian).

Pilipenko S.A. *K voprosu o vydelenii mongolo-tyan`*

тянь-шаньской разновидности женского головного убора средневековых монголов «бокка» // *Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками*: сб. науч.тр. / отв. ред. В.В. Невинский, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2007. С. 129–133.

Пилипенко С.А., Жадаева А.В. Конструктивные особенности бокк из погребений средневековых кочевников Тувы и Прибайкалья // *Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: материалы II междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию д.и.н., проф. П.Б. Коновалова* (г. Улан-Удэ, 4–6 декабря 2017 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятский научный центр СО РАН, 2017. С. 200–204.

Пилипенко С.А. Бокка сложной конструкции из курганного могильника Телеутский Взвоз-1 в Степном Алтае (технологический аспект) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2013. № 4/2 (80). С. 84–87.

Пилипенко С.А. Монгольский головной убор из могильника Басандайка // *Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири*: сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2003. Кн. 1. С. 156–162.

Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрика / пер. А.И. Малеин. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. 291 с.

Роман Н.И. Цветочная символика в изобразительном искусстве и литературе Китая // *Аналитика культурологии*. 2011. № 20. С. 230–235.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-1 и культура населения лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2002. 276 с.

Тишкин А.А. Археологические, изобразительные и письменные свидетельства о женских головных уборах монгольского времени // *Интеграция археологических и этнографических исследований*: сб. науч.тр. Омск: Наука-Омск, 2003. С.125–128.

Тишкин А.А., Пилипенко С.А. О возможности реконструкции женских головных уборов монгольского времени (по материалам берестяных находок на памятнике Телеутский Взвоз-1 в Верхнем Приобье) // *Вестник*

shan'skoi raznovidnosti zhenskogo golovnogo ubora srednevekovykh mongolov "bokka" [On the issue of the allocation of the Mongolo-Tien-Shan variety of the female headdress "bokka" of the medieval Mongols.]. *Altae-Sayanskaya gornaya strana i istoriya osvoeniya ee kochevnikami* [Altai-Sayan mountainous country and the history of its development by nomads]. Barnaul: Издательство Алтайского государственного университета Publ., 2007, pp. 129–133. (In Russian).

Pilipenko S.A., Zhadaeva A.V. *Konstruktivnye osobennosti bokk iz pogrebenii srednevekovykh kochevnikov Tuvy i Pribaikal'ya* [Constructive features of bokka from the burials of medieval nomads of Tuva and the Baikal region]. *Materialy II mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu d. i. n., prof. P.B. Konovalova "Aktual'nye voprosy arkheologii i etnologii Tsentral'noi Azii"* [Actual questions of archeology and ethnology of Central Asia]. (Ulan-Ude, December 4–6, 2017). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017, pp. 200–204. (In Russian).

Pilipenko S.A. Bokka complex design of the burial cemetery Teleutsky Vvoz-1 in the Steppe Altai (technological aspect). *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Reports of the Altai State University], 2013, no. 4/2 (80), pp. 84–87. (In Russian).

Pilipenko S.A. *Mongol'ski golovnoi ubor iz mogil'nika Basandaika* [Mongolian headdress from the cemetery Basandaika]. *Istoricheskiy opyt khozyaistvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoi Sibiri* [Historical experience of economic and cultural development of Western Siberia]. Barnaul: Altai State University Publ., 2003, book 1, pp. 156–162. (In Russian).

Puteshestviya v vostochnye strany Platona Karpini i Rubrika [Travels to the eastern countries of Plano Carpini and Rubruk]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury Publ., 1957, 291 p. (In Russian).

Romakh N.I. Flower symbolism in the fine arts and literature of China. *Analitika kul'turologii* [Analytics of Culture], 2011, no. 20, pp. 230–235. (In Russian).

Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Kazakov A.A. *Kurgannyi mogil'nik Teleutskii Vzvoz-1 i kul'tura naseleniya lesostepnogo Altaya v mongol'skoe vremya* [Barrow cemetery Teleutsky Vvoz-1 and culture of the population of forest-steppe Altai in Mongolian time]. Barnaul: Altai State University Publ., 2002, 276 p. (In Russian).

Tishkin A.A. *Arkheologicheskie, izobrazitel'nye i pis'mennye svidetel'stva o zhenskikh golovnykh uborakh mongol'skogo vremeni* [Archaeological, graphic and written evidence of female headdresses of Mongolian time]. *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of archaeological and ethnographic studies]. Omsk: Nauka-Omsk Publ., 2003, pp. 125–128. (In Russian).

Tishkin A.A., Pilipenko S.A. On the possibility of reconstruction of women's headgear in Mongolian time (based on birch bark findings on the site Teleut Vvoz-1 in the Upper Ob River). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo univer-*

Томского государственного университета. Серия: История. 2016. № 5 (43). С. 20–24.

Тянь Хэ. Семантика традиционного китайского орнамента // Общество. Среда. Развитие. 2011. № 1. С. 173–178.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во Московского университета, 1966. 274 с.

Харинский А.В., Наумов И.В. Этноархеологические исследования на северном побережье озера Хубсугул // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. Владивосток – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. С. 151–153.

Харинский А.В., Ожередов Ю.И. Археолого-этнографические исследования побережья озера Хубсугул // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. Красноярск – Омск: Издательский дом «Наука», 2006. С. 282–285.

Харинский А.В. Предбайкалье в кон. I тыс. до н.э. – сер. II тыс. н.э.: генезис культур и их периодизация. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2001. 198 с.

Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д. Северное Прихубсугулье в начале II тыс. н. э. // Теория и практика археологических исследований: сб. науч. тр. / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2011. Вып. 6. С. 107–124.

Ямилова Р.Р. Семантика зооморфных изображений на тканях и атрибутах костюма эпохи Золотой Орды // Золотоордынское наследие. Казань: Изд-во «Фэн» Академии наук Республики Татарстан, 2009. Вып. 1. С. 463–471.

Bronk Ramsey C. Bayesian analysis of radiocarbon dates // Radiocarbon. 2009. Vol. 51. No. 1. P. 337–360.

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J. W., Blackwell P.G., Ramsey C.B., Buck C. E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hafflidason H., Haddas I., Hatté C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., J. van der Plicht, Turney C.S.M. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP // Radiocarbon. 2013. Vol. 55. No. 4. P. 1869–1887.

Rossabi M. The Mongols and Their legacy The legacy

siteta. Seriya: Istoriya [Bulletin of Tomsk State University. Series: History], 2016, no. 5 (43), pp. 20–24. (In Russian).

Tyan` Khe. Semantics of Traditional Chinese Ornament. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* [Society. Environment. Development], 2011, no. 1. pp. 173–178. (In Russian).

Fedorov-Davydov G.A. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov*. *Arkheologicheskie pamyatniki* [Nomads of Eastern Europe under the rule of the Golden Horde khans. Archaeological sites]. Moscow: Moscow University Publ., 1966, 274 p. (In Russian).

Kharinskii A.V., Naumov I.V. *Etnoarkheologicheskie issledovaniya na severnom pobe-rezhe ozera Khubsugul* [Ethnoarchaeological research on the northern coast of Lake Hubsugul]. *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of archaeological and ethnographical research]. Vladivostok – Omsk: Omsk State Pedagogical University Publ., 2000, pp. 151–153. (In Russian).

Kharinskii A.V., Ozheredov Yu.I. *Arkheologo-etnograficheskie issledovaniya poberezh'ya ozera Khubsugul* [Ethnoarchaeological research on the northern shore of Lake Hubsugul]. *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of archaeological and ethnographic studies]. Krasnoyarsk – Omsk: Izdatel'skiy dom "Nauka" Publ., 2006, pp. 282–285. (In Russian).

Kharinskii A.V. *Predbaikal'e v kon. I tys. do n. e. – ser. II tys. n. e.: genesis kul'tur i ikh periodizatsiya* [The Cisbaikalia at the end of 1st millennium BC – middle of II millennium AD: genesis of cultures and their periodization]. Irkutsk: Irkutsk State Technical University Publ., 2001, 198 p. (In Russian).

Kharinskii A.V., Erdenebaatar D. *Severnoe Prihub-sugul'e v nachale II tys. n. e.* [Northern Prihubsugulie in the beginning of II millennium AD]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research]. Barnaul: Altai State University Publ., 2011, iss. 6, pp. 107–124. (In Russian).

Yamilova R.R. *Semantika zoomorfnykh izobrazhenii na tkanyakh i atributakh kostyuma epokhi Zolotoi Ordyy* [Semantics of zoomorphic images on fabrics and attributes of a costume of the Golden Horde]. *Zolotoordynskoe nasledie* [Golden Horde heritage]. Kazan': Izdatel'stvo "Fen" Akademii nauk Respubliki Tatarstan, 2009, iss. 1, pp. 463–471. (In Russian).

Bronk Ramsey C. Bayesian analysis of radiocarbon dates // Radiocarbon, 2009, vol. 51, no. 1, pp. 337–360.

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J. W., Blackwell P.G., Ramsey C.B., Buck C. E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hafflidason H., Haddas I., Hatté C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., J. van der Plicht, Turney C.S.M. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP // Radiocarbon, 2013, vol. 55, no. 4, pp. 1869–1887.

Rossabi M. The Mongols and Their legacy The legacy

of Genghis S Khan/ Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256–1353. New York: Yale University Press, New Haven and London. 2002. P. 12–35.

The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art, London (MSS 727) // The Legacy of Genghis Khan. Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256–1353. London: Education The Metropolitan Museum of Art, 2002.322 p.

Watt J.C.Y., Wardwell A.E. When Silk Was Gold. Central Asian and Chinese Textiles. New York: The Metropolitan Museum of Art in Cooperation with The Cleveland Museum of Art, 1997.238 p.

Лхагвасүрэн Х. Монголын археологи (Чингэс ханы үү). Улаанбаатар, 2007. 681 с.

Хүрэлсүх С. Хадны оршуулгын судалгааны зарим асуудал. Улаанбаатар, 2012. 144 с.

Эрдэнбат У., Хүрэлсүх С. Нартын Хадны оршуулгаа // Археологийн судлал. IV (XXIV) боть, 1–25 дугардэвтэр. Улаанбаатар, 2007. С.332–359.

Эрдэнэбат У. Монгол эхнэрийн богтаг малгай. Улаанбаатар, 2006. 152 с.

Сведения об авторах

Харинский Артур Викторович,

доктор исторических наук, профессор, руководитель Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: kharinsky@mail.ru

Эрдэнэбаатар Димааджав,

профессор, заведующий кафедрой археологии, Улан-Баторский государственный университет, Монголия, Улан-Батор, Баянзүрх район, 5-й хороо, e-mail: erdenebaatar@usu.edu.mn, ediimaajav@gmail.com

Портнягин Матвей Александрович,

лаборант-исследователь Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: matirk@yandex.ru

Оргилбайяр Самдантсоодол,

преподаватель кафедры археологии, Улан-Баторский государственный университет, Монголия, Улан-Батор, Баянзүрх район, 5-й хороо, e-mail: orgiob@gmail.com

Кичигин Дмитрий Евгеньевич,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии,

of Genghis Khan / Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256–1353. New York: Yale University Press, New Haven and London, 2002, pp.12–35.

The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art, London (MSS 727) // The Legacy of Genghis Khan. Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256–1353. London: Education The Metropolitan Museum of Art, 2002, 322p.

Watt J.C.Y., Wardwell A.E. When Silk Was Gold. Central Asian and Chinese Textiles. New York: The Metropolitan Museum of Art in Cooperation with The Cleveland Museum of Art, 1997, 238 p.

Лхагвасүрэн Х. Монголын археологи (Чингэсхааны үү). Улаанбаатар, 2007, 681 p. (In Mongolian).

Хүрэлсүх С. Хадны оршуулгын судалгааны зарим асуудал. Улаанбаатар, 2012, 144 p. (In Mongolian).

Эрдэнбат У., Хүрэлсүх С. Нартын Хадны оршуулгаа // Археологийн судлал. IV (XXIV) боть, 1–25 дугардэвтэр. Улаанбаатар, 2007, pp. 332–359. (In Mongolian).

Эрдэнэбат У. Монгол эхнэрийн богтаг малгай. Улаанбаатар, 2006, 152 p. (In Mongolian).

Information about the authors

Artur V. Kharinskii,

Doctor of Sciences (History), full professor, director of the Laboratory of Archaeology, Palaeoecology and Subsistence of People of the Northern Asia, Irkutsk National Research Technical University, 83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation, e-mail: kharinsky@mail.ru

Dimaadjav Erdenebaatar,

Professor, Head Department of the Archaeology, Ulaanbaatar State University, 5-th khoroo, Bayanzurkh district, Ulaanbaatar, Mongolia, e-mail: erdenebaatar@usu.edu.mn, ediimaajav@gmail.com

Matvei A. Portniagin,

laboratory assistant researcher of the Laboratory of archaeology, paleoecology and subsistence of peoples of the Northern Asia, Irkutsk National Research Technical University, 83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation, e-mail: matirk@yandex.ru

Samdantsoodol Orgilbayar,

Lecturer, Department of the Archaeology, Ulaanbaatar State University, 5-th khoroo, Bayanzurkh district, Ulaanbaatar, Mongolia, e-mail: orgiob@gmail.com

Dmitrii Ye. Kichigin,

Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Staff of the Laboratory of archaeology, paleoecology and subsistence of peoples of the Northern Asia,

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
e-mail: kichkok@rambler.ru

Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation,
e-mail: kichkok@rambler.ru

Критерии авторства

Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д., Портнягин М.А., Оргилбайяр С., Кичигин Д.Е. выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись и иллюстрации к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Kharinskii A.V., Erdenebaatar D., Portniagin M.A., Orgilbayar S., Kichigin D.Y. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and illustrations for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.